

ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТНОСТИ

Ставка на развитие гражданского общества предполагает субъектные качества лиц и коллективов. Люди объединяются ради общего дела двояко: «сверху вниз» государством или иным учредителем или «снизу вверх» по свободной воле людей (акционерное общество, кооператив и т.п.). Под гражданским обществом мы вслед за А.С. Панариным понимаем «совокупность неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных, религиозных, культурных) граждан и их ассоциаций, основанную на принципах самостоятельности, неподопечности и автономии по отношению к государству»¹. Гражданское общество есть совокупность корпораций, т.е. неполитических объединений, которые сами себя конституируют «снизу», сами ставят и решают задачи. В таком самовоспроизводстве важнейшими являются субъектные качества.

Государство по своей природе призвано исходить из целого, а не из частей – из интересов общих, а не частных. Оно поддерживает те законные интересы лиц, групп, корпораций, реализация которых идет на пользу всем. Если частный интерес обоснован и справедлив, то он имеет и всеобщую значимость. Гражданское общество есть, напротив, сфера частных интересов – индивидуальных и корпоративных. Самым главным является умение соединять интересы индивидуально-личностные, корпоративные и всеобщие, или выражаясь логически, интересы единичные, особенные и всеобщие. Принцип учреждения, проведенный как самоцель, гасит инициативу и самостоятельность лиц, а один корпоративизм ведет к анархии и потере управляемости. Гражданское общество предполагает по существу не только нормативные акты, позволяющие развернуть субъектные качества, но и наличие у граждан таких качеств.

Так, например, вуз, будучи государственным учреждением, выступает на рынке образовательных услуг частично как корпорация, занятая реальной предпринимательской деятельностью на свой риск и заинтересованная в экономической свободе и правах на собственные внебюджетные доходы. Вопрос о субъектности важен для студентов и для преподавателей. В современных условиях возможности экстенсивного развития вузов исчерпаны. Противоречия вузы могут успешно решать на пути интенсивного развития. Интенсивный путь означает личное творчество каждого работника в поиске и реализации новых резервов и стимулов роста, полное развертывание научно-

¹ Панарин А. С. Политология. М., 2000. С. 309.

образовательного потенциала коллектива; фундаментализацию и оптимизацию образования, превращение науки в непосредственную продуктивную силу педагогического труда, экономическую эффективность научной деятельности; оптимальную организацию коллективных усилий всех кафедр и иных подразделений; повышение продуктивности профессиональной деятельности в единицу рабочего времени, корпоративную солидарность и ответственность единой команды «студент – педагог – ученый – администратор». Такой путь предполагает развитую субъектность и глубинные межсубъектные отношения, свободные от отчуждения и овещнения.

Традиционное определение субъекта как «носителя сознательной целенаправленной деятельности», вошедшее в словари и энциклопедии, отождествляет субъектность с социальной дееспособностью и является слишком общим, чтобы стать операционально-выполнимым инструментарием. Раб тоже был «носителем сознательной целенаправленной деятельности». Но цели ему задавал господин. Из-за общего определения субъектность часто смешивают с субъективностью. Познание и преобразование внешнего мира тоже не составляет отличительную особенность субъектности. Сама по себе внешнепредметная активность мало чего стоит, так как она может направляться манипуляторами. Подобные определения кажутся бесспорными потому, что они стали привычными. На самом деле, они настолько абстрактные, что ничего не дают для типологии лиц и коллективов, для практики управления. Такие определения смазывают существенные различия между личностью, способной к самоопределению и нормотворчеству, самостоятельному выбору новых вариантов действия и общения, и индивидом, который вообще не догадывается о таких качествах и живет по извне навязанным стереотипам, репродуктивно. Необходимость конкретизации категории субъекта признают современные авторы. Термин «субъект», отмечает Е.В. Сайко, стал одним из наиболее употребительных, и каждый раз значение этого термина не раскрывается в «особой субъектной специфике». То же отмечает В.М. Розин: «Под субъектом понимают все что угодно»¹. Задача данной статьи – конкретизировать субъектность в ее наиболее важных моментах.

Объектный и субъектный принципы в истории философии. В первом случае философы исходят из внешнего первоначала, с которым они согласовывают научное, ценностное и практическое освоение действительности. Человек при этом вращается вокруг той или иной внешней Инстанции, будь то Космос, Природа, Общество и др. Во втором случае исходным является человеческая субъектность как основание для столкновения внешней реальности. До Сократа древние греки, образно выражаясь, молились на звезды (космоцентризм «физиков»). Сократ предложил исходить из достоверности человеческого

¹Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. М. – Воронеж, 2001. С. 5, 30.

разума. Начался период античной классической философии, ее расцвет. М. Лютер утвердил принцип Сократа в католицизме. От церковного внешнего авторитета он решительно перешел к авторитету личной веры и так вознес субъектность человека, что она стала в центре последующей философии. А. Смит и, особенно Д. Риккардо, в отличие от физиократов источник стоимости товаров видят уже не в земле, а в труде. Начинается период классической политической экономии. Ф. Энгельс с полным основанием назвал Смита «Лютером» политэкономии¹. И. Кант с присущей ему основательностью развивает субъектный принцип (трансцендентальный метод) в своих знаменитых «Критиках», сознательно исходя из свободной самодеятельности субъекта. Свой метод он сам оценивал как «коперниканский переворот». Начинается период немецкой классической философии. «Коперниканский переворот» Канта героически продолжает И. Г. Фихте в своем «Наукоучении». Гегель универсализирует субъектный принцип как методологический: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное, не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*»². Л. Фейербах этот решающий принцип новой философии обосновывает, скорее, эмпирически и называет его антропологическим. Переход Фейербаха к анализу действительности как *человеческой* действительности или к *действительному человеку*, был закономерен. Ибо новый эвристический принцип нельзя уже было плодотворно развивать, оставаясь в рамках одной методологии.

К. Маркс субъектный принцип проводит последовательно в философии, политэкономии и политологии. В своей диссертации он излагает принципиальное различие между объектной философией Демокрита и субъектной философией Эпикура. Главный недостаток предшествующего материализма он видит в том, что «предмет, действительность чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*»³. не *субъектно*. Категория «бытие-для-себя» выступает у Маркса логическим фундаментом понимания субъектности, под которой он подразумевал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостановление», «самоосуществление» человека. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение о «самоизменении» людей путем практического изменения обстоятельств, в котором человек выступает одновременно и субъектом, и объектом собственного действия; и воспитателем, и воспитуемым; и законодателем, и исполнителем собственных принципов. Неспособность к духовному самоопределению и волевому самоуправлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей

¹ Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. С. 549.

² Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч.: В 14 т. М.–Л., 1935. С. 1.

³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 3.

человека в самой его «творческой основе». Кант выразил тот основополагающий факт, что люди воспринимают реальность в тех формах, в которых они сами ее преобразуют; абсолютную критериальную функцию опыта («практики», уточнит Маркс). Маркс выводит этот метод на широкую дорогу истории людей, деятельно воспроизводящих свою социальность, все свои способности и отношения. «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот»¹. Диалектика Маркса производна от субъектного принципа его философии.

Всякий раз, когда философия развивалась на основе субъектного принципа, она цвела и наполнялась жизненно конкретным и глубоким содержанием. То же можно сказать об этике, эстетике, политологии, юриспруденции и психологии. Объектный принцип, «безлюдная онтология» парализуют интеллектуальную динамику, духовное дерзновение и смелость мысли. За такой позицией скрывается пассивный субстанциализм, «отражающий» застывшие в пространстве деятельность, социальные нормы и институты. В советской философии возобладал объектный принцип плюс теория «отражения», не выражающая модельно-проективную, самодеятельную природу мышления. Работы Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, К.Н. Любутина, М.К. Мамардашвили, Д.В. Пивоварова и др. были направлены на преодоление этого принципа в понимании субъектности. В упомянутой выше коллективной монографии² ее авторы проводят субъектный принцип в осмыслении различных аспектов человека как субъекта.

Логика понимания субъектности. Верному пониманию субъектности мешает механистическая логика «определения извне» (бытие-для-другого): одно определяется другим, а другое – иным другим и так до бесконечности, которую Гегель справедливо назвал «дурной». В социальном плане логика «определения извне» выражает те ситуации, в которых люди низведены до частичек социальной машины, до объектов манипулирования, до исполнителей извне навязанных стандартов мышления, поведения, потребления, до «точки действия для другого» (В.С. Библер) со стороны общественных сил. Такие ситуации и порождают выражения «рычаги управления», «хозяйственный механизм» и прочую механику. Подобная социальная детерминация формирует привычку трудиться и жить по извне полученным правилам и нормам, впечатывает в сознание логику «определения извне», и такая логика превращается в «достоверный», самоочевидный навык мышления, который возводится во всеобщую схему миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно научной, а логику самоопределения (диалектику) толкует как «темную гегельянщину». Именно отделение деятельности

¹ Любутин К.Н. Философия в современном мире // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург. 1996. С. 9.

² Субъект действия, взаимодействия, познания... С. 33.

от самодеятельности, изменение объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительских от нормотворческих порождает отчужденную практику, ту социальную ситуацию, в которой индивиды производят собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бытие иного против самих себя.

Против такой логики боролись классики философии. «Самопричинность» (*causa sui*) субстанции у Спинозы, «самодеятельность» монад у Лейбница, «самоопределение» и «самополагание» «Я» у Канта и Фихте, «для-себя-бытие» у Гегеля, «самоизменение» субъекта у Маркса – эти родственные идеи выражали логику, позволяющую верно понять самонаправленную социальность. Ограниченный потенциал логики «действия на другое» побуждает и теоретиков естествознания переосмысливать казавшуюся ранее очевидной саму логическую основу общего воззрения на предмет. В естествознании, математике, пишет В. С. Библер, поставлена под вопрос «*всеобщность* классического предмета (и субъекта) – «точки действия на другое». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как «*causa sui*», «идея движения как самодействия, самодеятельности»¹. С возрастанием в обществе доли личных свобод и самодеятельности изменяется и методология науки – предмет мыслится в аспекте самодействия, свободного развертывания своих потенциалов и сил. За методологией науки всегда скрывается тот или иной тип социальности. Стиль научного мышления Нового времени вырос из фабрично-заводских практик, из жестко детерминаций производственных технологий. Любопытно, что в объектной философии Демокрита движение атомов строго детерминировано, а в субъектной философии Эпикура атомы самопроизвольно отклоняются от прямой траектории!

Понятие субъектности. Субъективность означает многообразный состав сознания и подсознания; контролируемую сознанием активность людей. Субъектность есть высший уровень субъективности. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т.е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая. Поэтому субъектности лиц, социальных групп и институтов присущи способности к самоопределению, самодеятельности, самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству; реальные полномочия в реализации общественно значимых потребностей, и целей; реальная власть над природными, психическими и социальными силами.

Самоопределение – генетически исходная основа субъектности, творчества, умения личности развивать свои способности. Способности есть усвоенные человеком способы деятельности, которые фиксируются в теле человека нейрофизиологически, и возникает видимость (фетишизм

¹ Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 191.

тела), что способности возникают естественно из органического тела человека так же, как клевер из чернозема, а не из социального тела – совместной деятельности и общения. Человек может не ограничиваться воспроизводством способов деятельности, а предпочтет их развивать. Тогда он становится творцом. Творчество – это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами (разделение труда и др.) процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодеятельности. И талант – это норма в развитии личности, не изуродованной разделением труда в «обрывок» человека. Затухание творчества, редкость талантов – это точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции в условиях *объектного* строения реальной жизни, когда субъектные функции монополизированы социальными институтами и атрофируются на уровне личности. В такой ситуации общество предстает ареной взаимодействия различных *анонимных* Инстанций и Факторов – производительных сил, хозяйственного «механизма», цен и прибыли. Люди предстают органами реализации потребностей Инстанций и Факторов. Человек низводится «до тени своей собственной тени» (Э.В. Ильенков). Хотя все подобные анонимные Инстанции и Факторы есть объективации деятельности людей. За противоречием между производительными силами и производственными отношениями всегда скрывается противоречие между людьми. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют созидаемый ими мир богатства»¹.

Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы мышления и поведения, деятельности и общения. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть, свободная и самонаправленная деятельность, развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта, переводит самоопределение в объективно выраженный процесс; содействует глубинному общению, просторному для самореализации человека как субъекта. Самодеятельность – это фундаментальный культурно-антропологический атрибут, способ развертывания продуктивно-творческих сил и, вместе с тем, – основная категория в понимании *перспектив* именно человеческого развития.

Будучи самонаправленной социальностью, субъект функционально различается в актах самодеятельности на субъект действия и на продукт действия; он противопоставляет себя (как *формируемый материал*) самому себе как формирующей *деятельности*; одновременно он объемлет эти противоположности – процесс и результат. Соединяя в себе

¹ Маркс К. Экономич. рукоп. 1857–1859 гг.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.2. С.222.

эти противоположности, он есть противоречие между деятельностью ставшей и становящейся, культурой наличной и возникающей, между «Я» прошлым и «Я» настоящим. В акте противопоставления отношение к другому (опредмеченной деятельности) подчинено отношению субъекта к самому себе. Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному, как причина к следствию и выступает как существо самообоснованное.

В самодеятельности происходит практическое закрепление способности личности к самоопределению. Эта способность – необходимая предпосылка творческого освоения реальности, как научно-теоретического, так и ценностного (мораль, искусство, религия). Мышление есть творческое моделирование внутренних отношений, которые восприятию не даны. Мыслить – значит связывать явления их внутренними отношениями. Связь между явлениями устанавливается «только самим субъектом» в «актах его самодеятельности»¹. В морали важно самоопределение и самоповеление, мораль основана на «автономии человеческого духа»²; иначе ответственность потеряла бы всякое основание. Самоопределение – атрибут и политической воли. Политика начинается с сознательного самоопределения в идеологии больших социальных групп; ее особенность состоит в том, что такие группы стремятся возвести свою особенную волю во всеобщую – в закон для всех. Класс, не способный к идейному самоопределению и властному самоутверждению своей воли, есть еще объект, а не субъект исторического процесса. Свободное самоопределение составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Мысль о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты»³, цитируется весьма часто, при этом не раскрывается связь между мерой и красотой. Связующим здесь является свобода, свободное самоопределение. Ведь формироваться согласно своей мере – значит определяться не извне, а изнутри, т.е. самоопределяться. Но не все прекрасно, что сформировано согласно своей мере. Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора. Чувство красоты, отмечал Э.В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда, воображение рождает идеальную форму предмета, согласно его чистой мере⁴. Происходит совпадение свободного

¹ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 165.

² Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 13.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974. С. 94.

⁴ Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 250–251.

самоопределения предмета и субъекта. Наслаждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в переживании свободы нашей души; при этом свобода выражена в образном виде, как нечто внешнее, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения»¹. Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта, который и в реальности схватывает подобный феномен. Свободное самоопределение развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в устойчивую схему восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного – эстетическим вкусом. Бескорыстное свободное самоопределение есть общая основа нравственности и искусства, добра и красоты. Так как самоопределение наиболее доступно дано каждому в нравственности («автономии человеческого духа»), то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в борении человеческого духа, в нравственности. Возвышенное наиболее впечатляюще выражено величием характеров и дел героев. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражают воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. И, наоборот, предмет воспринимается безобразным, если он воспринимается не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и сковывает свободную игру наших духовных сил. Без развитой духовной свободы и свободного самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни творчество прекрасных форм, ни молитвенный полет души.

Субъектность личности как интериоризация законодательных функций социальных институтов. Исторически субъектные качества, как свидетельствует история, оформлялись на *надьиндивидуальном* уровне (община, род) в рамках общих, т.е. общественных законодательных и др. полномочных органов, функции которых со временем закреплялись за узким кругом лиц. Нормотворческая и законодательная функция, отделившись от функции исполнительной, получает конкретное оформление на институциональном уровне (государство, церковь, партии) и развивается настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для нее оковами. По мере демократизации общества и развития личностного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самодеятельных организаций. Субъектность деинституализируется в той или иной области и превращается в схему работы самосознания и воли растущего большинства. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде самоопределения,

¹ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 255.

самооценки, самоконтроля, самоповеления, самоответственности. В результате нравственность предстает как неинституциональная императивная саморегуляция поведения, доступная каждому. Нравственность есть чистая форма социальности в виде человеческой общности, она призвана вести и направлять право, социальную политику государства. В нравственности законодательные, исполнительные и судебные функции соединены в одной инстанции – личности как субъекта.

Напротив, в условиях античности самостоятельный выбор решения, новой нормы ведения общего дела осуществлялся, как правило, обращением за санкцией на такой выбор к оракулу и подкреплялся авторитетом Пифии, повествующей о воле богов. Даже такие великие люди античности, как Фемистокл, в минуты смертельной опасности для Греции убеждали других в правоте своего выбора, ссылаясь на волю богов. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹.

Развитие субъектности – содержание демократии. Подлинным содержанием демократии является передача субъектных функций гражданам как для развития их самодеятельности, так и для установления меры в соотношении различных видов субъектности – на уровне корпоративном и государственном, индивидуально-личностном и институциональном. Такое содержание присуще «демократии участия» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), а не современной формальной (представительской) демократии, отделяющей субъектные функции от «электората». В России народ расплывается все более из общества *соотечественников*, объединенных духовно и нравственно, на собрание социальных атомов (на «электорат») в целях манипуляции. Деньгодатели с помощью средств массовой информации и «имиджмейкеров» проталкивают своих кандидатов на различные должности методами рекламы так же, как это делается с товарами на рынке. Кандидаты в депутаты стали политическим товаром, а электорат – потребителем такого товара. Демократия выродилась в политический рынок со всеми его фальсификациями.

Негативными крайностями является абсолютизация субъектности или на уровне личности (персоноцентризм), корпораций (корпоративизм) или на уровне социальных институтов, будь то партия, церковь, государство (социоцентризм). В таких случаях происходит нарушение социальной синергии, гармонии между мерами частей и мерой целого. В первом случае ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность воль и внешних дел. Распадается социальный ранг, субординация

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч.: В 14 т. Т. 8. М. – Л., 1935. С. 239.

и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

Во втором случае (корпоративизм, регионализм и т.п.) юридический субъект (корпорация, регион и т.п.) стремится свою особенную субъектность поставить по рангу выше всеобщей субъектности, представленной государством.

При социоцентризме ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы. Субъектные функции монополизируются тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (тотальная, отсюда – тоталитаризм) регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самостоятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и на «массы». Но на пассивной массе далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает «массу» показным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о «самостоятельности масс», и об их свободной и радостной жизни. И чем дольше длится показной энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь. Так общество движется к неизбежному кризису. Во всем этом характерно следующее. Граждане сами отчуждают от себя свои субъектные функции (право на самоопределение и выбор, на самостоятельность и нормотворчество) и передает их внешнему Гаранту, Инстанции, превращая ее в самодовлеющего Субъекта, а себя – в определяемый объект. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает гипноз ее Авторитета, ее Культ. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда Мудрой и Справедливой. Дело теперь представляется так, что Инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит и права! Это есть разновидность социального фетишизма, особенно присущая светскому сознанию.

Крайности персонцентризма, корпоративизма, социоцентризма состоят в рассудочном отделении всеобщего, особенного и единичного (В – О – Е) и в утверждении или всеобщего (социоцентризм), или особенного (корпоративизм) или единичного (персонцентризм радикальных либералов) как самоцели, как самодостаточного первоначала. Между тем В – О – Е есть органичные моменты единой целостности, и разумное мышление состоит в нахождении меры в соотношении этих моментов. Диалектика состоит во всех случаях в понимании тождественного в различном, единого в многообразном, всеобщего в особенном. Если же встать лишь на точку зрения особенного, то одному особенному противостоит другое особенного, и сознание будет видеть только различия без внутреннего их единства. Каждый начнет настаивать только на своем особенном. В итоге различия заострятся до враждебных

противоположностей, до острого противоречия, которое в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за особенным всеобщее содержание, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Именно в рамках всеобщего (для сторон общения) содержания можно осуществить творческий синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми. Под всеобщим всякий раз скрывается нечто субстанциональное, как выразился бы Гегель, т.е. то общее дело, в рамках которого только и возникают проблемы и противоречия. Такое дело связывает усилия каждого в единство, в общее произведение. И только в общем деле, а не в пустяках и курьезах («комаров субъективности», по Гегелю), можно утвердить себя в сознании других достойным образом, т.е. внести важный вклад, а значит и обрести уважение.

Согласованность В – О – Е выражается эмпирически как социальная синергия, а в плане теоретическом предстает как общий закон: в жизни социального целого оптимальным является согласованность меры целого с мерами частей. Такая согласованность обеспечивает здоровое состояние общества и человека, государства и гражданина, церкви и прихожанина, армии и воина, экономики и хозяйствующих субъектов. Здоровье, по определению ЮНЕСКО, есть телесное, психическое и социальное благополучие как выражение гармонии целого и частей. Регресс, болезнь начинаются тогда, когда часть претендует, как самодовлеющее начало, на роль целого. В итоге гибнет целое, гибнет и часть со своими претензиями. Так раковая клетка убивает организм, так эгоизм подтачивает коллектив, а верховенство «прав человека» над правами народа (на его историю, территорию и культуру) расплывает общество на атомы-персоны, меркнут единые ценности, крошатся нравственность, правосознание и государство, и народ как целое обрекается на гибель. Болезнь, регресс – это эгоизм части за счет меры целого.

В России народ выстрадал закон социальной синергии. Народное сознание всегда оценивало как положительные ценности любовь, дружбу, товарищество, сотрудничество и содружество, взаимопомощь, солидарность, патриотизм, соборность, государственный подход к делу и др. И, наоборот, эгоизм, гордыня, тщеславие, индивидуализм, местничество, сепаратизм, раскол всегда осуждались как несчастье, как болезненное состояние человека, церкви, государства и самого народа. Смута в России XVII в. оценивается до сих пор как великое несчастье и позор. Значение субъектных качеств будет возрастать по мере вытеснения техногенной цивилизации антропогенными установками, и, соответственно, схемы буржуазного вещного производства «Д – Т – Д'» схемой расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека «продуктивно-творческие силы – их воплощения – их прирост и обновление». Субъектные качества лиц и коллектива, помноженные

на корпоративную солидарность и служение Отечеству – важнейший потенциал развития и личности, и общего дела, и страны в целом.

Е.В. Попова

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «НОРМА»

Одной из глобальных проблем, стоящих сегодня перед человечеством, является проблема обеспечения устойчивого развития общества в условиях радикально меняющегося бытия. В современном российском социуме происходят сложнейшие кризисные процессы, связанные с глубинными изменениями во всех сферах жизни. Одним из проявлений этого кризиса является упадок, охвативший нормативные системы и породивший аномию и, как следствие, вырождение социальных норм, которые уже не справляются со своей главной функцией – регулированием человеческого поведения. В связи с этим чрезвычайно актуальным является теоретическое исследование норм.

Поведение людей всегда регулировалось нормами. Нормы, пришедшие на смену инстинктивно-биологической адаптации и внутренне-родовой регуляции, обеспечивали целостность и стабильность общества. Деятельность людей, их поведение и отношения в современном мире характеризуются невероятной сложностью. А регулирующие их нормы являются противоречивыми, оторванными друг от друга, плохо вписываемыми в систему норм и ценностей, как в разных государствах, так и внутри одной страны, и даже в рамках отдельной социальной группы, что является источником несогласованных действий, принятия неверных решений.

Сознание современного человека, утратившего привычные ценностные ориентиры, напряженно ищет новые опоры, которые определяют целостность и самодостаточность личности, ее жизненное смысловое пространство. Отказ общества от жесткой регламентации индивидуальной человеческой жизни, от разрушительного вмешательства во внешний и внутренний мир личности привел, с одной стороны, к утрате способности поддерживать порядок и воспроизводить общекультурные нормы и способы подавления отклоняющегося поведения, с другой, – к выдвиганию в качестве системы ориентиров, регулирующих деятельность людей, антиценностей и антинорм. Из тревог и озабоченности человека по поводу своего положения в природе и обществе вытекает необходимость осмысления и изменения стратегических норм и ценностных приоритетов. Отсюда особую актуальность приобретает философское исследование норм в их целостности.

Нормы и ценности, являясь продуктом имеющихся противоречий и отражением реалий бытия, должны пересматриваться всякий раз, когда эти реалии меняются. Следует менять индивидуальную и массовую мораль, нормы международного, уголовного и гражданского права,